

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

*доктор социологических наук, заведующий
отделом социальных структур Института
социологии НАН Украины*

Конструирование идентичности в Триполье

Любое сообщество, утверждают социологи, или беспрерывно переструктурируется, или уже структурировано так прочно, что в дальнейшем почти не изменится (последний вариант является, пожалуй, сугубо гипотетическим, в реальности он практически не встречается). Как всегда, проблема же состоит в том, что служит образцом, на основании которого индивиды сознательно, а чаще ненамеренно творят и воссоздают социальную структуру. Образцы, как правило, различны, а значит и общества отличаются моделями социальной структуры. Однако, в принципе, моделей не так уж много, оттого быть самобытным непросто; такие народы весьма немногочисленны. Вообще идеальных, то есть базовых, “чистых” моделей лишь четыре. Перечислим их:

- абсолютно гетерогенная (неоднородная согласно принципу дифференциации — сложная, или горячая модель социальной структуры);
- абсолютно гомогенная (однородная согласно принципу дифференциации, когда все элементы тождественны — простая, или холодная модель);
- абсолютно стратифицированная (неоднородная согласно принципу неравенства — функциональная, динамическая модель);
- абсолютно дестратифицированная (однородная согласно принципу неравенства, где все элементы различны, но равны — дисфункциональная, статическая модель).

Современ М.Вебера считается, что эмпирически наличны не “идеальные типы”, а отклонения от них — как итог нескладных чувственно-рациональных попыток людей наладить общее существование легко распознаваемых попыток составить что-то приличное из обломков и фрагментов почти всех типов. Мозаики несовместимого — вот что представляют собой эмпирически имеющиеся социальные структуры обществ. Однако последние открытия (в особенности же прогресс трипольеведения) обнаруживают ограниченность подобной точки зрения. Кажется,

лишь в Триполье “идеальный тип” являлся вместе с тем и типом эмпирическим. Впрочем, обратимся к фактам.

В настоящее время мы располагаем неопровержимым подтверждением того, что ботаника была самой развитой наукой в Триполье. Отдельные догадки относительно этого высказывались ранее Б.Рыбаковым и П.Толочко, но до сих пор не объяснялось, почему именно ботаника. Как оказалось, дело в том, что трипольцы отождествляли себя — в современной терминологии идентифицировали — с растениями. Почему с растениями, не совсем ясно, наука пока оперирует здесь гипотезами и предположениями. Как бы там ни было, но сызмала каждый триполец задавался вопросом: кто я такой и кем стремлюсь быть в качестве составной части трипольского общества. Ответ он извлекал из образа жизни старших, традиции, опыта ровесников. И всюду он видел одно и то же: все идентифицировали себя с растениями, и никому не приходило в голову идентифицировать себя с фауной. С точки зрения антропологии, здесь все прозрачно, ведь отождествление с животными присуще главным образом культурно отсталым народам. Кстати, в свое время в раскопах было найдено перечеркнутое трипольцем изображение какого-то неизвестного народа в виде медведя (может референдум какой случился?). Относительно лося — по материалам Б.Рыбакова — велись более позитивные дискуссии, хотя вялые и неубедительные.

Одним словом, ботаника фактически и являлась социологией. Потому-то триполец был ботаником по призванию и стилю жизни. Тем не менее, он и не мнил, что становится социологом в тот самый миг, когда идентифицирует себя с каким-либо растением. Он становился социологом только для себя самого и ни для кого больше. Трипольское сообщество не желало иметь социолога для всех. И это поражает своей практичностью: никто не звал социолога и не расспрашивал, что бы его такое учинить, дабы народ не волновался и голосовал так, как надо, то есть демократически.

Осведомленность трипольцев в ботанике поражает воображение даже сегодня. Если накопленные ими знания о растениях (читай — о социальной структуре общества) воссоздать в сегодняшних терминах, то трипольцы различали 7457 видов водорослей, 19184 — грибов и микомицетов, 2672 — лишайников, 9333 — мохообразных, 67493 — высших сосудистых (плауновидных, хвощеобразных, папоротникообразных, голосеменных). Одних кустов они насчитывали 989 видов. Вместе с тем надлежит особо подчеркнуть, что трипольцы растения не классифицировали. Им было присуще жизнерадостное отвращение к группировке и классификации. Не то чтобы они не умели или не хотели классифицировать. Они, скорее, считали такую операцию несовместимой с достойной жизнью, а потому решительно отвергаемой и публично осуждаемой. Это само по себе интересно, хотя и требует пояснений.

Общеизвестно, что для любой человеческой активности, стремящейся быть эффективной и привлекательной, обязательным оказывается вкус, а также особенная чувствительность к самым мелким деталям. Именно у трипольцев мы находим безупречные вкус и неослабевающее внимание к отличному, непохожему, к маскирующемуся, к стыдливо скрывающемуся. И именно на это они, прежде всего, обращают внимание и при всяком удобном случае как раз это подчеркивают. Мы обладаем описанием ветреницы (анемоны, *Anemone L.*) некоего, так сказать, трипольского Гете (если не Лейбница). Автора приводит в удивление не то, что он обнаружил ветреницы с пятью, шестью или семью лепестками, а то, что ему не удалось обнаружить двух ветрениц, одинаковых размерами, формой листков, цветом венчиков. Природа, подытоживает древний автор, не знает сходства и к нему не стремится, она взыскует разнообразия несхожего.

Есть основания считать такое наблюдение прочным стереотипом, распространяемым и на жизнь общества. Общим доминирующим принцепом природы и общества признается безграничная дифференциация, вследствие чего индивиды

культивируют неприятие похожего и обращенность к самобытному. Многие трипольцы идентифицировали себя, к примеру, с лютиком золотистым (*Ranunculus auricomus*, 411 зафиксированных видов), но по количеству листиков возле основы стебля, по их форме, высоте и крутизне стебля они являлись абсолютно разными лютиками. Быть особыми, так, как обособленно стоят деревья и растут кусты в лесу, не похожими друг на друга, как на самом деле не похожи лютики, естественно для трипольцев, это корень их миро- и самоощущения.

Идея само-стояния не была для них абстрактной. Для восприятия ее чувственно-наглядной формы достаточно было бросить взгляд на многоярусную структуру леса. К тому же идея индивидуального само-стояния основывалась на знании о полной самообеспечиваемости растений: все необходимое они, без чьей бы то ни было помощи, добывают из земли, воздуха, получают от солнца, благодаря работе эффективных лабораторий, размещенных в листьях и корневой системе. О последнем, разумеется, трипольцы не догадывались. Но то, что растение не требует опеки, было для них очевидным. Такой же статус оказывался чрезвычайно привлекательным и для трипольца.

Кроме того, в организации жизни леса триполец усматривал воплощение солидарности и высшей справедливости. На одном из схематичных рисунков мы видим, что деревья изображены не вертикально, а растут под углом к условной вертикали. В результате все флорожители леса получают равный доступ к такому дефицитному ресурсу, каковым является солнечное тепло. Никакой конкуренции, никакой борьбы за выживание: у всех изначально равные возможности для развития. Деревья как бы отстраняются друг от друга, чтобы открывать теплонесущим лучам дорогу к ничтожнейшим лишайникам, возрастают так и сяк, невероятно искривляя себя в запале самоограничения с единственной целью — длить до бесконечности жизненный процесс на принципах толерантности и уступчивости. И потому обеспечить достаточный для жизни участок (жизненное пространство) каждому члену лесной совокупности — это не благое намерение, а норма существования растений, а отсюда — и людей. Ничто не могло быть для трипольца более наглядным свидетельством несравненности и благородства отличного: то, что расцветает позднее, не угнетая расцветшее ранее, не завидует и не посягает, ожидая времени своей полной силы в сознании неотвратимости его прихода. Все низшее, едва поднывающее над землей и едва в нее вцепившееся, вступает в общение с любым длинностебельным, длинностебельным и прочно укорененным без боязни, непосредственно и по-своейски.

Трипольцы могли часами, днями, да что там — неделями! — присматриваться к травам, цветам, кустам, деревьям, неспешно прогуливаясь лесом и перелесками, осторожно касаясь раскидистых кустов шиповника, кизила обыкновенного, боярышника, таволги, терна, вишни птичьей и степной, бересклета, прислушиваясь к шепоту листвы берез, кленов ложноплатановых, кленов остролистных, верб, буков, осин, грабов, лавров благородных, мощнейших дубов обычных. То были, несомненно, практики самосозерцания и углубления в интимно-собственный мир, а значит — в мир социальной структуры. Это был путь в природу, а значит — к себе. Это был беспрестанный поиск глубоко индивидуальной идентичности, тождественности, без которых невозможно постичь угодливо низкий смысл сходства и возвышенный смысл отличия — основные смыслы человеческого существования.

Нескончаемо дифференцированная структура растительного мира оставалась матрицей, проецируемой и на мир собственно человеческий. Значение подобной когерентности гораздо существенней, чем может поначалу казаться. Структура — это, в первую очередь, преемственность и наследственность, это то, что изменяется довольно медленно. Но ведь именно так все обстоит с флорой! И потому не только тип мышления трипольцев, а и сам способ организации совместной жизни можно определить как эколого-социологический. Преемственность здесь обусловлена органической резистентностью к изменениям, повышенной инерционностью социаль-

ного (равно как и растительного) мира в целом, изысканностью и завершенностью технологий воспроизведения жизнеспособных установок.

Тем не менее, и подобная структура подвижна. Однажды некий гений в порыве вдохновения открыл, что, всахивая поле, можно вызывать видовые изменения в растениях. В ходе многолетних экспериментов ему удалось вывести трехцветную фиалку (*Viola tricolor*), невиданного отщепенца среди фиалок, однолетнее растение (другие фиалки, как всем известно, многолетние), которое растет только в поле, среди злаков, но никогда в лесу или на лугу. С тех пор трипольцы начали сознательно развивать свою социальную структуру средствами полеводства. Теперь каждый имел возможность не только пассивно идентифицировать себя с известными растениями, но и конструировать новые из прежнего материала, то есть конструировать новые объекты идентификации и новые идентичности. Для этого необходимо всего лишь настойчиво пахать. Что трипольцы и делали с присущими им настойчивостью и энтузиазмом. Хлеб — побочный продукт широкомасштабных социальных экспериментов — экспортировали в Грецию (являвшую собою чуть не всю Европу), формируя у Геродота и Плиния Старшего ошибочное представление о трипольцах как народе хлебоотговец. С тех пор этой ошибкой проникся весь мир.

Точности ради следует сказать и о том, что новые растения появлялись на территории Триполья и случайно. Так, думаю, птицы (ибо не вижу другого объяснения) занесли из далекого далека семя опунции (*Opuntia Tourn.*) — разновидности кактусов с богатыми влагой ветвями. Разведение кактусов стало позднее настоящей манией среди трипольцев, разновидностью искусства, которое обогащает социальную структуру. Кстати, засоленные и маринованные плоды опунции отправляли в ту же Грецию, а также в Рим, где триумфаторы знали толк в этом, за них они не жалели денег, поскольку таковые у них были; россыпи этих монет археологам время от времени попадаются до сих пор.

В заключение еще одно замечание. Подлинных трипольцев и сегодня можно узнать по фамилиям. Вот отдельные примеры, которые каждый самостоятельно в состоянии дополнить.

- Берест — понятно.
- Волошинец — понятно (василек, *Centaurea L.*).
- Гарань — обезображенное “герань”.
- Горих — понятно, орех.
- Горицвит — понятно (адонис, *Adonis L.*).
- Дурдинец — так трипольцы называли дикий куст, который неустраимо взрастал на впечатляющих Днепровых кручах (вероятно, чтобы никому не мешать).
- Кульбаба — понятно (одуванчик, *Taraxacum L.*).
- Лановой — так трипольцы называли социального экспериментатора на хлебном поле, который выводил растения с новыми признаками.
- Мокий — (город Макеевка, обезображенное) так называли трипольцы лишайник, который их наблюдательные путешественники обнаружили на Среднерусской возвышенности и без успеха старались приучить жить в трипольском подлеске.
- Осыка — понятно, осина.
- Орлик — (искаженное “орлики”, водосбор обыкновенный, *Aquilegia L.*).
- Пинзеник — так трипольцы называли хвощ, в котором слышали большую силу на будущее.
- Сокирок — (искаженное “сокирки”, живокость полевая, *Delphinium L.*).

Выводы

Трипольцы уже догадывались, как мы можем судить по материалам, имеющимся в нашем распоряжении, что все живое вышло из воды. Все, за исключением одного народа: самих трипольцев. Они, истинная и искренняя флора, поднялись из земли, из богатой черноземной нивы. И к ней же “в свой час” беспечно и без сожаления возвращались, заботясь лишь о ее неисчерпаемых витальных потенциях. В этой же земле, пожизненно, они ощущали свои корни, тесно переплетенные между собой, так что невозможно вообразить трипольца вне своей земли (эту нерушимую прикрепленность прозрел душою и мыслью истинный триполец Григор Тютюнник; его сборник “Корни травы”, как сегодня понятно, является, безусловно, социолого-литературным произведением). Поэтому трипольцы были народом “первой земной волны”, “первым народом”, поскольку, чего не знали они, но знаем мы, сначала создавались земля и небо. А земля, естественно следуя императиву плодородия, способна продуцировать исключительно растительность. Все другие народы — это народы “второй”, “третьей” и дальнейших “волн аквитовых”, народы более поздних актов творения, фактически запоздавшие.

В свете трипольских данных следовало бы отрешиться от устаревших представлений Конта, Спенсера, Дюркгейма, Вебера, Зиммеля, Сорокина, а также всего структурно-функционального направления в социологии — представлений, согласно коим общества развиваются от простого к сложному. На самом-то деле все обстоит ровным счетом наоборот: от невероятно сложного и, что самое важное, от “идеального” и “чистого” к смешанному, заеложному, неопрятному, неряшливому, а потом, в точках социальной бифуркации и под влиянием неожиданных и непредвидимых аттракторов, — снова преобразование в сверхсложное и чистое. Сдается, именно подобный период проходит украинское общество, неоспоримо достойный наследник трипольской цивилизации. Пока еще оно незатейливо просто, едва теплое и загрязненное, но вскорости обещает превратиться в сверхсложное, горячее, “чистое” — в “новое Триполье”. Отсчет единственно привлекательного, “флоро-сельскохозяйственного времени” начат, а разветвленные ботанические знания и богатые земледельческие практики украинцев уже в который раз в истории обеспечат нужное направление преобразований к дисперсной социальной структуре, в которой атомизированные элементы существуют сами по себе, никто никому ничего не должен и все исключительно сами себе обязаны самым необходимым.